

В. М. Маркович

И. С. ТУРГЕНЕВ
*и русский
реалистический
роман
XIX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

В. М. Маркович

И. С. ТУРГЕНЕВ
И РУССКИЙ
РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАН
XIX ВЕКА

(30—50-е годы)

Фаине Зиновьевне
Кануновой
— с глубоким уважением
и благодарностью

В. М.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛЕНИНГРАД, 1982 г.

1-980404

ВВЕДЕНИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, является продолжением монографии «Человек в романах И. С. Тургенева» (1975). Там задача автора сводилась к типологической характеристике тургеневских романов, написанных и опубликованных в 1855—1862 гг. Цель исследования состояла в том, чтобы выявить и проанализировать устойчивые закономерности, свойственные поэтике этих романов. Четыре во многом несходных произведения, разделенные пусть небольшими, но исторически существенными временными промежутками, рассматривались как некое единое явление («классический тургеневский роман»); речь шла о стабильных признаках, которые обнаруживались при всех переменах, за всеми различиями конкретных творческих решений, в разное время найденных Тургеневым. Собственно, речь шла о художественной системе Тургенева-романиста, точнее, о той ее сердцевине, которая сохраняла ее единство и обеспечивала ее верность самой себе при любых поворотах эволюции художника.

Однако система такого рода всегда представляет собой диалектическое единство устойчивости и динамизма. Отсюда — необходимость сочетать ее синхронный анализ с анализом диахронным. Этой необходимостью и определяется исследовательская цель публикуемой монографии: поэтика «классических» романов Тургенева рассматривается в динамике ее становления и развития — от начала (в «Рудине») до кульминации (в «Отцах и детях»). Выясняется логика этого процесса и его связь с динамикой смены исторических ситуаций, обусловивших направление творческих поисков Тургенева. Определяются место и роль трансформаций тургеневской системы в более широком литературном процессе, а именно — в процессе жанровой эволюции русского реалистического романа.

В общем, структурно-типологический принцип изучения материала объединяется с историко-литературным. Иными словами,

история и типология подчиняются той многоплановой исследовательской установке, которую принято называть системным подходом.¹

Сказанное определяет ракурс и масштаб характеристики изучаемых явлений. Отдельные романы Тургенева рассматриваются как различные исторические модификации его художественной системы, а весь процесс ее изменений — как звено в ряду исторических трансформаций романного жанра.

Фон для анализа тургеневской поэтики составляют романы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, Гончарова, но они интересуют нас постольку, поскольку в них выразились те или иные закономерности, характеризующие исторические типы русского реализма (исторические типы реалистического романа прежде всего). Определенный интерес представляет соотношение общего и особенного, своеобразие неповторимо конкретных преломлений некоторых эпохальных черт. Но и различие индивидуальных вариантов существенно здесь лишь как предпосылка для стадийальной характеристики литературного развития и только в этом качестве является объектом анализа.

Поскольку в рамках публикуемой работы такой анализ не может быть всеобъемлющим (для освещения всех сторон изучаемого процесса понадобилось бы несколько специальных монографий), мы ограничимся рассмотрением структуры сюжета и структуры характера в их неразрывной взаимосвязи и вместе с тем в их очевидном несовпадении, типичном для реалистического романа XIX века, а в русском классическом романе особенно заметном. Пристального внимания требует также действующая в каждом реалистическом романе система мотивировок, определяющая (конечно, по-разному и в различной мере) как природу характеров, так и специфику сюжета. Необходимость сосредоточиться на этих категориях вряд ли может вызвать сомнения: все это категории непосредственно содержательные и к тому же в значительной степени координирующие связь других компонентов художественного целого. Анализ этих категорий является кратчайшим путем к выявлению принципов организации произведения. Спецификой этих категорий и характером их соотношения во многом определяется возникающая в романе картина мира. Между тем она-то как раз и вызывает наибольший интерес в связи с поставленной задачей: ведь специфика и преемственная связь различных этапов развития жанра нагляднее и существеннее всего выражается именно в специфике

¹ Характеристике системного изучения литературы посвящены многие работы последнего десятилетия. См., напр.: Мейлах Б. К определению понятия «художественная система». — В сб.: *Filologia: Исследования по языку и литературе*. М., 1973; Храпченко М. Размышления о системном анализе литературы. — *Вопр. лит.*, 1975, № 3; Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976, и др.

и преемственности различных картин мира, характерных для тех или иных исторических его разновидностей. Чтобы представить себе специфику и преемственность подобных картин, мы учитываем и формы авторского присутствия в романе, и способы выражения авторской позиции, а там, где это требуется, также и структуру повествования, особенности пространственно-временной организации романа и т. п. Однако анализ характеров, сюжета и мотивационной системы произведения во всех случаях остается для нас основной задачей.

Еще одна необходимая оговорка. Направленность и распределение внимания исследователя зависят не только от его методологических установок и теоретических соображений, но и от степени изученности (или неизученности) тех явлений, которые оказались предметом анализа. Предлагаемая читателям работа построена с учетом этого естественного условия. Дело в том, что различные аспекты поэтики русского романа, так же как и различные линии ее эволюции, освещены в нашем литературоведении далеко не равномерно. Например, своеобразие и историческим изменениям социально-психологического метода в романах Пушкина, Лермонтова, Герцена, Гончарова и, далее, Тургенева всегда уделялось пристальное внимание. Примерно то же самое можно сказать об эволюции социального критицизма от нраво-описательных романов Измайлова и Нарезного к эпопее Гоголя, а затем — к остропроблемным романам натуральной школы. Вообще на протяжении двух или трех десятилетий исследователи русского романа активнее всего занимались вопросом о том, как складывалось и менялось, по мере развития жанра, конкретно-историческое, «локальное» изображение общественной жизни. Формы воспроизведения ее бытовых, психологических, социально-политических и культурных реалий, способы художественного постижения ее злободневных конфликтов, проблем, ситуаций, — все эти чуткие «улавливатели» сиюминутного и фактически данного — изучены очень и очень основательно. Настолько основательно, что нет нужды делать их предметом специального изучения в рамках настоящей работы — достаточно учесть результаты предшествующих исследований. А основное внимание разумнее переместить на иные аспекты — те, которые никак нельзя признать освещенными в необходимой мере.

Вот, пожалуй, главнейший из них. В нашем литературоведении все больше укрепляется мысль о том, что русский классический роман нераздельно соединяет свое конкретно-историческое содержание с не менее важным для литературы содержанием универсальным. В работах последнего времени нередко ставится вопрос об устремленности русских реалистов к общечеловеческим, глобальным и даже вселенским категориям, о попытках провидеть в быте бытие, а в окружающих, вполне осязаемых фактах — отблески высшей истины. Речь идет о попытках русских писателей найти в бурно меняющемся мире непреходящие опорные ценности.

Но это еще не означает, что наши представления об универсальном смысловом плане, так или иначе входящем в реалистические картины мира, достигли необходимой ясности. Мы, в частности, недостаточно занимаемся изучением соотношения и связи универсально-философского начала с другими элементами реалистического изображения действительности. Между тем важность и острота этой проблемы очевидны. Включение универсального плана в реалистическую картину мира — явление, при всей его естественности, неизбежно сложное, предполагающее некий стилистический и смысловой скачок, преодоление каких-то сопротивляющихся сил и, в известной мере, — «инерции» нижележащих слоев образной структуры. Ведь появление универсального плана означает переход к реальностям совершенно иного рода, чем реальности воссозданного в романе эмпирического порядка вещей. Это выход к сверхисторическим, невыразимым в обычных сюжетно-образных формах мировым сущностям (и, стало быть, к иным образным формам). Чтобы понять природу подобного скачка, требуется ответить на множество общих и частных вопросов.

На каком основании совмещаются в реалистической художественной системе социально-историческая, бытовая или психологическая конкретность с вселенскими, а иногда и трансцендентными универсалиями? Какие пути ведут к образованию универсальных значений изображаемого? Какие условия делают скачок к универсальному смыслу уместным и возможным? Какова степень подчиненности или, напротив, неподвластности этому универсальному смыслу различных элементов структуры? Как складывается соотношение исторического и универсального на разных этапах развития жанра? Какими общеэстетическими и социально-историческими причинами вызвано тяготение к универсальному, постоянно возобновляющееся в процессе смены реалистических художественных систем?

Детальному рассмотрению этих вопросов и посвящена, в основном, публикуемая работа. С этими вопросами связан анализ выделенных в ней элементов поэтики (характеров, сюжета, мотивировок). Разумеется, автор не претендует на исчерпывающее решение указанных вопросов, а лишь пытается заполнить некоторые из очевидных и потому тем более досадных пробелов.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Некоторые особенности реализма в романах Пушкина, Лермонтова, Гоголя («Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Мертвые души»)	7
Сон Татьяны в поэтической структуре «Евгения Онегина»	—
О «втором сюжете» в «Мертвых душах»	24
О лирико-символическом подтексте в романе Лермонтова «Герой нашего времени»	33
Символический подтекст и становление реализма в русском классическом романе	45
Глава 2. Схема и дискуссия в романах натуральной школы (Герцен и Гончаров)	64
О роли диалогического конфликта в романе Герцена «Кто виноват?»	66
Своеобразие диалогического конфликта в романе Гончарова «Обыкновенная история»	78
Природа художественной истины в романах Герцена и Гончарова 1840-х годов	97
Глава 3. Эволюция художественной системы Тургенева-романиста в 1855—1862 гг.	109
Роман Тургенева «Рудин» и традиции натуральной школы	—
Между эпосом и трагедией («Дворянское гнездо»)	134
Трагическое в романе «Накануне»	166
Кто такой Базаров?	186
Вместо заключения	203